

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Марии СПАССКОЙ в серии
«Артефакт & Детектив»:**

Роковой оберег Марины Цветаевой
Кукла крымского мага
Безумный поклонник Бодлера
Черная луна Мессалины
Магическая трубка Конан Дойла
Серьга удачи знаменитого сыщика Видока
Волшебный фонарь Сальвадора Дали
Сакральный знак Маты Хари
Флейта гамельнского крысолова
Молитвослов императрицы
Девять жизней Николай Гумилева
Мистическое кольцо символистов

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Мария СПАССКАЯ

**Мистическое кольцо
СИМВОЛИСТОВ**

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Редактор серии *О. Басова*

Сюжет романа разработан
при участии *Марго Зуевой*

Спасская, Мария.

С71 Мистическое кольцо символистов / Мария Спасская. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-097718-5

В издательстве «Скорпион», где объединились знаменитые поэты начала XX века Андрей Белый и Валерий Брюсов, основоположники российского символизма и признанные мистики эпохи, царило оживление. К ним со своими стихами обратилась внебрачная дочь опального князя Ольга Волынская. Но мало кто знал, какую постыдную тайну она хранила... Следователь Цой с детства стеснялся своей громкой фамилии. Однако ему пришлось забыть об этом, когда он начал расследовать убийство известного биоэнергетика Ильи Панаева. Знаменитого гуру-мистика убили в собственной квартире, причем с его руки пропало кольцо, по легенде, принадлежащее поэтам-символистам начала XX века...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-097718-5

Москва, август 1910 года

етнее солнце играло на мозаике недавно отстроенного здания гостиницы «Метрополь», барашки облаков паслись в лазурной сини неба.

Свернув за угол гостиницы, Долли вошла в подворотню, миновала двор, поднялась на второй этаж и остановилась у медной таблички с надписью «Издательство «Скорпион»». Прижала к груди дрожащую руку — если наблюдают, пусть думают, будто она волнуется. Постояла так с минуту, прислушиваясь к шуму за дверью. Из редакции доносился гул, напоминающий шум растревоженного улья. Вжившись в роль застенчивой скромницы, она тряхнула головой, потянув на себя тяжелую дверную створку. И шагнула в прихожую.

С неделю назад, когда шла сюда в первый раз, было любопытно.

Брюсов, Белый — какие они? Оказалось — отравленные ядом собственного величия, ибо среди поэтов-символистов слывут божествами. Они как Луна и Солнце. А вокруг солнцеподобных мэтров выются-увиваются звездочки помельче, но тоже о себе изрядно понимающие. Все спесивые, с амбициями и странностями, точно персонажи Страны чудес сочинителя Кэрролла.

Сказку эту Долли знала наизусть — давным-давно, в далеком ее детстве, заботливый доктор Войнич приходил к ней в комнату, справлялся о самочувствии и, присев на край постели и подоткнув одеяло под бок, прочитывал несколько глав. Дни шли за днями, весну сменяло лето, а зима приходила на смену осени. Дочитав книгу до конца, доктор вновь открывал первую страницу «Алисы» и принимался читать с самого начала. Прошло много лет, и перед отъездом из Англии Долли, ностальгируя по тем счастливым денькам, даже перевела на русский язык эти две загадочные повести, и теперь все еще пребывала под впечатлением от созданного Кэрроллом волшебного мира.

Брюсов в ее воображении был, конечно же, гневливой Королевой Червей, рубящей головы направо и налево. Ходили слухи, что поэт — черный маг. И Королева Червей, вне всякого сомнения, злая ведьма. Властная и жестокая, издевается над нелепыми существами Страны чудес, питается их страхом. Совсем как Брюсов.

Андрей Белый внешне казался Белым Кроликом. Такой же суетливый, раскосый, словно все время испуганный. Мечется туда-сюда, как будто куда-то опаздывает, машет руками, говорит, говорит, захлебываясь словами — эмоциями. А по сути-то, конечно, больше походит на Белую Королеву, выступающую против гнета Червонной Королевы.

Противостояние Белого и Брюсова ощутимо витало в воздухе гостиничного номера, нагнетая тревогу. Конторщик Алмазов был единственный, кто держался от конфликта в стороне. Пока другие «Скорпионовцы» строили друг другу козни, конторщик смирно сидел в прихожей и ждал распоряжений, а получив команду, кидался тут же ее

выполнять. Вот и сейчас в неизменном синем пиджаке и гороховом галстуке он расположился рядом со столиком и складывал в стопку бланки подписных листов.

Вскинув глаза на открывающуюся дверь, расплылся в улыбке и, деликатно прикрываясь ладонью от исходящего от него чесночного духа, угодливо выдохнул:

— Доброго денечка, госпожа Волынская.

Долли знала о магическом действии, которое оказывает на людей, и относилась к замешательству собеседников с некоторым раздражением. Не только мужчины, но зачастую и женщины терялись, стоило им приблизиться и взглянуть на нее. Она подолгу стояла перед зеркалом, рассматривая прозрачное свое лицо с заостренным сердечком подбородком, большие, почти белые глаза в длинных щетинках ресниц, тонкий короткий нос и причудливо изогнутые, словно бы всегда капризные губы. Рассматривала и не могла понять, что необыкновенного находят в ней люди.

Конторщик на секунду замялся, умильно заглядывая под шляпку и ощупывая ласковым взглядом ее лицо, и с благоволением завел:

— Изволите видеть, Ольга Павловна, сию жду дождя, когда студента Жилина выпроводят. А там пойду в лабаз.

— Здравствуйте, Алмазов. Кто сейчас в редакции?

— Редакционный совет, правда, не в полном составе. Балтрушайтиса нет, Садовского, Соловьева. Да, и Белого нет. Куда-то на извозчике укатил.

— А Брюсов на месте?

— Валерий Яковлевич пока еще здесь. Но скоро откланяется — он всегда в это время уходит обедать домой, к Иоанне Матвеевне. Остальные собираются отмечать выход нового альманаха. Вот, отрядили меня к Елисееву за

мадерой и фруктами. Что-нибудь желаете, кроме мадеры? Для вас персонально исполню любой каприз.

— Благодарю вас, Иван Всеволодович, — откликнулась Долли. — Мне ничего не нужно.

— Если мадера не нравится, лично вам могу принести шампанского, — не унимался конторщик.

— Спасибо, это излишне, — с досадой отмахнулась девушка, оставляя на стойке перчатки и зонтик и проскальзывая в комнату, откуда доносились голоса.

Главное помещение издательства являло собой уютно обставленную гостиную, единственная особенность которой заключалась в чрезмерном количестве столов. У длинного общего стола переминался с ноги на ногу постоянный посетитель издательства, поэт-неудачник Жилин, приходивший в «Скорпион», как на работу, в бесплодной попытке пристроить свои творения.

— Да поймите же вы, наконец, — поглаживая острую бородку и меряя шагами комнату, раздраженно говорил смуглый, чернявый, похожий на европеизированного тарарина Брюсов. — Вы, Жилин, пишете не стихи, а рифмованную пошлость. Сделайте одолжение, носите их в другие издательства! Забудьте дорогу в «Скорпион»!

Мэтр остановился посередине комнаты и сердито закончил:

— В конце концов, это бессовестно с вашей стороны — воровать чужое время!

«Как есть Червоная Королева», — отметила про себя Долли, с интересом наблюдая за происходящим.

Сотрудники редакции смотрели на начинающего литератора без сожаления. При виде Долли Жилин покраснел, смутился, скомкал фуражку и, нервно дернув щечкой,

опрометью выбежал из комнаты. Вслед ему послышались ехидные смешки.

— Ольга Павловна, голубушка, вас, случайно, не зашибли? — не отрываясь от пасьянса, с деланным участием осведомился маленький сухощавый человечек из отдела немецкой поэзии, фамилии которого Долли никак не могла запомнить и называла про себя Безумным Шляпником за пристрастие к высокому цилиндру.

— Госпожа Волинская пришла? — порывисто обернулся Брюсов. — Ольга Павловна, примите мои поздравления!

Шагнув к столу, Брюсов взял толстый альманах и двинулся навстречу Долли, протягивая книгу.

— Откройте на двадцать пятой странице! Откройте-откройте! Видите? Ваши стихи! Рад сообщить, что «Скорпион» готов печатать вас и дальше!

Стоило прозвучать похвале мэтра, как в ту же секунду восстала оппозиция. Осведомленный обо всех делах редакции наилучшим образом, неизменно улыбающийся секретарь Лианопуло выкрикнул от окна:

— Валерий Яковлевич, это уже слишком! Что значит — «и дальше печатать»? «Стихи» — это сколько? Одно стихотворение? Два? Десяток? Имейте в виду, в следующий номер альманаха только одну вещь госпожи Волинской смогу принять!

— Да я, собственно, больше и не прошу, — улыбнулась Долли.

— Вот, видите, Ольга Павловна больше не просит, а вы уже запаниковали, — обернувшись к секретарю, широко улыбнулся Брюсов, и улыбка эта походила на волчий оскал. И с оскорбительной вежливостью добавил, пожирая неприятеля глазами: — Сергей Аристархович, не со-

читите за труд, в следующем номере альманаха, будьте так добры, забронируйте место для стихотворения госпожи Волинской.

И с иронией добавил:

— А то скажете потом, что вас не предупреждали.

Брюсов с грацией барса прошелся по помещению редакции и, поравнявшись с дверями, проговорил:

— Все, господа, я ушел.

Прощаясь, мэтр картинно взмахнул рукой, сняв с вешалки, ловко надел на голову шляпу, подхватил портфель и, поигрывая тростью, покинул редакционную комнату. С минуту в помещении стояла тишина, нарушаемая лишь шлепаньем карт о поверхность стола и размеренным стуком пишущей машинки. Машинка смолкла, и от окна раздалось тягучее контральто с французским прононсом:

— Скажите, дорогуща, зачем вам псевдоним? Ведь очевидно, что настоящая фамилия вызовет вокруг вашей персоны гораздо большую ажитацию, чем пресный и бесцветный «Александр Зорин», коим вы подписались в этот раз.

Долли обернулась и встретила глазами с рыхлой брюнеткой в мужском костюме. Ярко накрашенное щекастое лицо резко контрастировало с коротко подстриженными и уложенными на мужской манер гладкими черными волосами. Звали брюнетку Амалия Коган.

Амалия писала хлесткие, злые рецензии и в стремлении эпатировать окружающих не только одевалась в мужское платье, но и не выпускала пеньковой трубки из уголка пухлых ярко накрашенных губ. За курение и неожиданные высказывания Долли про себя называла ее Си-ней Гусеницей. Однако Амалия права — фамилия была бы лучше псевдонима.

Неделю назад, впервые переступив порог редакции, Долли явственно почувствовала неоднозначность своего положения. В устремленных на нее глазах литераторов читались интерес и некоторая брезгливость. Дело в том, что Ольга Павловна Волынская была незаконнорожденной дочерью великого князя Николая Константиновича Романова, прозванного в народе Опальный Князь. В немилость к венценосному семейству Николай Константинович попал после скандала с кражей семейных реликвий, сделавшегося анекдотом.

Во время традиционных семейных ужинов в Зимнем дворце, проводившихся в покоях Марии Александровны, вдруг стали исчезать драгоценности. Первой пропала любимая печатка хозяйки — гемма из цельного дымчатого топаза. После следующего семейного ужина из покоев испарилась другая реликвия — фарфоровая чашка «опак» с китайским рисунком. Результатом очередной семейной трапезы стало исчезновение карандаша в золотом футляре с большим рубином на наконечнике. Тут уже терпеть стало никак невозможно, и царская семья принялась проводить расследование. Деликатное, но тщательное. Пропавшие следом за карандашом бриллианты из оклада Владимирской Божьей Матери нашлись в одном из Петербургских ломбардов. А сдал их туда адъютант великого князя Николая Константиновича.

Вариантов было два — либо адъютант по личному почину и к собственной выгоде воровал у венценосных особ. Либо в похищениях был замешан великий князь. Но Николай Константинович категорически отказался давать какие-либо объяснения. В интересы семьи не входило, чтобы об этой истории узнало общество, поэтому князь признали душевнобольным и направили под надзором

медиков и жандармов в имение в Ореанде. Надзор был не слишком строг — стоявший во главе охраны князь Ухтомский закрывал глаза на частых визитеров узника, и на замужнюю графиню Демидову не обращали внимание до тех пор, пока добродушный старик Ухтомский не застал молодых людей в будуаре за весьма недвусмысленным занятием. В Петербург ушел донос, великого князя тайно отправили во Владимирскую губернию, но графиня Демидова уже ждала от Опального князя ребенка. А родив, стала забрасывать императора требованием выделить ей средства на содержание младенца.

Через некоторое время Опального Князя вернули в Ореанду. Получившая развод графиня тоже приехала в Крым. Как-то в отсутствие князя слуги заглянули в гардеробную и увидели прятавшуюся там молодую особу. Так и выяснилось, что разведенная графиня, никем не замеченная, провела в спальне члена императорской фамилии более десяти дней. Женщина сразу же заявила, что опять беременна от Николая Константиновича и намерена отбыть в Санкт-Петербург, где будет добиваться аудиенции у императора по поводу новых выплат.

На этот раз изгоя семейства Романовых сослали как можно дальше, в Оренбург, а авантюристка в спешном порядке была выдана замуж за графа Павла Сумарокова-Эльстона, взявшего на себя воспитание детей супруги. Сын Николай и дочь Ольга удостоились от Александра Третьего дворянского звания и фамилии Вольтинские, а также отчества Павловичи — в честь приемного отца. Не без участия родни по материнской линии Ольга получила вполне приличное образование в Британии, в эстетиче-

ском пансионе леди Эмили Грэхем, где за миловидность девочку прозвали Долли¹.

История предприимчивой графини и простодушно-го князя стала известна из-за болтливости слуг, раздающих интервью охочим до сенсаций журналистам. Время от времени, когда газеты испытывали информационный голод, в редакциях припоминали давнишний скандал и в очередной раз расписывали похождения графини Демидовой, так что шумиха вокруг имени брата и сестры Волынских с завидной регулярностью всплывала в прессе. На что и намекала Синяя Гусеница.

Долли поправила шляпку, безмятежно улыбнулась и довольно вежливо откликнулась:

— Благодарю за совет, мисс Коган, но я твердо решила и впредь подписываться мужскими именами.

— Следующие стихи, должно быть, подпишите Модест Рюмин? — насмешливо процедила сквозь сжимающие черенок трубки зубы рецензентка, и Долли похолодела. Откуда она знает?

Победоносно глядя на растерянное лицо собеседницы, Амалия с вызовом продолжала:

— Неужели вы, Ольга Павловна, не понимаете, что ваши стихи еще бездарнее, чем так называемая «поэзия» графомана Жилина? Но, заметьте, вирши студентика Валерий Яковлевич с негодованием отвергает, а ваши стихата вдруг одобрил. Хотите знать отчего? А оттого, что вы — Ольга Волынская! Знаменитость! А раз уж у вас нет других козырей, так и будьте Волынской!

Долли смутилась еще сильнее и простодушно вымолвила:

¹ Doll — кукла (англ.).

— Скажите прямо, Амалия Карловна, вы что-то имеете против меня?

— А вы как думаете? — зло прищурилась рецензентка. И с интонациями базарной торговли выкрикнула: — Пришла, стихата бездарные принесла и думает, все перед ней упали на колени!

— Девочки, не ссорьтесь! — замахал руками секретарь, опасливо поглядывая на Амалию и через силу удерживая улыбку на покрытом бисеринками пота лице. — Худой мир лучше доброй ссоры. Подумайте сами, что вам делить? Альманах выходит, стихи печатают, рецензии публикуют, чего еще желать?

— А вам не кажется, Рерик, что вы слишком много на себя берете! — перекинулась на секретаря побледневшая от злости рецензентка. — Кто вы вообще такой? Откуда вы взялись? Выскочка и интриган! Ничего в издательстве не делаете, только сплетни разносите и против Брюсова интригуете! Не смейте затыкать мне рот!

— Амалия Карловна! А пойдете-ка обедать! — не дожидаясь ответной отповеди вдруг переставшего улыбаться Лианопуло, разрядил обстановку Безумный Шляпник. Он только что закончил складывать пасьянс — и пасьянс таки сошелся. И теперь он любил все человечество и умиротворенно смотрел на окружающих. — Есть хочется, прямо сил нет. Заодно и отметим.

— А как же Алмазов? — насторожился Лианопуло. — Придет с мадерой, а в конторе никого.

— Не страшно, — убирая карты в выдвижной ящик стола, передернул плечами специалист по немецкой поэзии. — Вино не пропадет. И фрукты тоже. Да и что это за еда — какие-то фрукты? Я бы сейчас быка съел.

— Я бы тоже не отказался от хорошей отбивной, — благодушно подхватил секретарь.

— А Ольга Павловна идет? Госпожа Волынская, вы составите нам компанию? — желчно осведомилась Амалия. — Или гусь свинье не товарищ?

— С огромным удовольствием приму приглашение, — невозмутимо откликнулась Долли.

Девушка развернулась и двинулась к дверям, и уже в прихожей, когда брала со стойки перчатки и зонт, ее догнали остальные.

Спустившись по лестнице, все устремились на улицу, к светящейся вывеске ресторана, и ливрейный швейцар предупредительно распахнул перед компанией двери. Сотрудники «Скорпиона» остановились в дверях и стали дожидаться приотставшего секретаря, запиравшего редакцию.

Выросшая в английском пансионе и не привычная к ресторанам, Долли с уверенным видом села за стол, решив, что как-нибудь справится. И уже через минуту ощутила, какое это колоссальное неудобство — лакей за высокой спинкой кресла. Человек в отливающем синевой фраке зорко следил за тем, чтобы не упустить момента и выхватить у нее из рук блюдо с недоеденным бифштексом, в самую неподходящую минуту подсунуть салат, внезапно обдать терпким соусом незнакомое блюдо. Из незримости то и дело возникали руки в белых перчатках и своей неутомимой активностью парализовали деятельность ее пищеварения.

Мучительно страдая от навязчивого сервиса, Долли с произвольной завистью косилась на секретаря, с аппетитом и знанием дела уплетающего то, что подадут.